

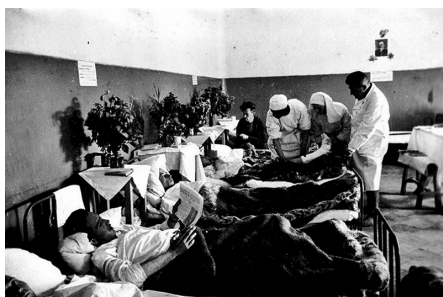
Госпиталь в Раненбурге

Семьдесят семь лет назад история перевернула одну из самых страшных и тяжёлых своих страниц. Время сгладило, затянуло временем воронки от бомб и траншеи - эти чудовищные шрамы на теле земли, знавшей «неземное страдание».

Но перед памятью человеческой, памятью сердец время бессильно. Сколько ещё на земле нашей людей, обожжённых войной? Сколько людей, чьи раны болят и ноют к непогоде? Всё меньше и меньше...

Наступит время, когда нить, связывающая нас с поколением ветеранов, оборвётся, и события, которые сегодня - часть чьей-то живой, осязаемой жизни, уже для всех станут историей.

Советский солдат. В

изодранной осколками гимнастёрке, побелевшей от солёного пота, с винтовкой и бутылкой зажигательной смеси сдерживавший натиск бронированных фашистских армий, познавший боль и горечь отступления, цеплявшийся за каждый бугорок, кустик в дни отступления.

Он стоял насмерть, он остановил врага у стен Москвы, а потом гнал его до Берлина. И был он не былинным богатырём, а обыкновенным человеком, ежедневно идущим на смерть.

Его кромсали осколки, рвали пули, а сердце так хотело жить! Спасали его, исцеляя израненное тело, добрые руки женщин - военврачей, фельдшеров, медсестёр. Как живой водой врачевали они тяжёлые раны лаской и

состраданием.

В первые, самые тяжёлые месяцы войны в городе Раненбурге был сформирован госпиталь. Ему присвоили № 1910.

Необходимость его организации объяснялась просто: линия фронта проходила в 170 км от города, неподалёку - крупный железнодорожный узел Мичуринск и станция Кочетовка с большим паровозоремонтным депо. Кочетовку фашисты бомбили ежедневно, бомбёжке подвергались Троекурово и Раненбург.

Суровые, наполненные постоянной тревогой и опасностью дни. С организацией, обустройством, а потом на протяжении всей войны трудными фронтовыми буднями госпиталя связана юность нескольких, тогда очень молодых, наших землячек. Некоторые ушли из жизни совсем недавно, другие, слава Богу, живы.

Райисполком решил отдать госпиталю помещение бывшего Учительского института и все прилегающие к нему здания. Началась мобилизация персонала для госпиталя: военным комиссаром стал Н.П. Казберов, начальником материальной части - П.Д. Шелковой, начальником финансовой части - П.Г. Каплунов.

Помещение к приёму раненых готовили раненбургские комсомольцы: чистили стёкла, мыли стены, натирали полы. Затем начало прибывать оборудование, его заносили и размещали внутри здания. Довольно скоро привезли и первых раненых. Девушкам, готовившим госпиталь к их приёму, предложили работать здесь в качестве санитарок, медицинских сестёр. Многие согласились.

Одна из этих девушек - Лилия Сергеевна Зайцева. Здесь, в

эвакогоспитале № 1910 для неё и началась война, здесь она работала в лаборатории, которой заведовала Н.И. Цицина, «а когда появлялась свободная минута - помогала обрабатывать раны, устраивала раненых в палатах. Иногда нужно было просто посидеть возле бойца, почитать ему письмо из дома, книгу», - вспоминала Лилия Сергеевна. Это из последней беседы с ней. В марте 2004 года Лилии Сергеевны не стало.

Ещё одно свидетельство. Вспоминает Нина Алексеевна Крылова. В 1941 году ей было десять лет. «Шефство над ранеными, находившимися в госпитале № 1910, каждый из нас воспринимал как свой долг, как маленький собственный вклад в победу над фашистами. Почти у всех на фронте были отцы, старшие братья. Каждый день, сразу после уроков, спешили к раненым. Читали книги, письма, под диктовку писали весточки к родным. Только много позже я поняла, как бойцы ждали

нас, как согревало их наше присутствие, как напоминало им о родном доме. А как старались мы поддержать раненых: пели, плясали, читали стихи. Многие песни родились уже в дни войны, даже на фронте. Иногда

мы не знали слов или мелодии. Но желание помочь восполняло этот недостаток, мы читали песни как стихи и сочиняли к мелодии свои слова. Наградой нам были просветлевшие лица бойцов. Самой любимой песней для всех была «Катюша», в каждом концерте мы исполняли её по несколько раз».

Уже в начале осени стало понятно, что дальше в Раненбурге госпиталю оставаться опасно. «Постоянно были слышны бомбовые разрывы со станций Троекурово. А это всего в 30 км от города. Да и бои с фашистами на центральном участке фронта приближались к Москве. Каждый день мы с тревогой смотрели на карту, где флажками была обозначена линия фронта. Мы готовились к отъезду, готовились и наши родные. Было получено

разрешение - мобилизованным в случае передислокации взять с собой членов семей. П.Г. Каплунов брал с собой жену и двух дочерей. Н.И. Цицина - дочь, а я - сестру и сынишку (муж - Фёдор Васильевич Орлов находился в действующей армии)», - вспоминает Галина Ивановна Орлова.

В октябре 1941 года началась передислокация госпиталя, эвакуация его личного состава. Всё делалось в ночное время и под постоянными авианалётами. От героинь нашего рассказа требовались спокойствие, уверенность, слаженность действий. Они ещё не успели ощутить себя бойцами. Это были женщины, вырванные войной из надёжной, мирной, благополучной жизни. Огромная беда, обрушившаяся на страну, всё расставила по своим местам,

воспитывая и жёсткость, и милосердие.

Вскоре госпиталь передислоцировали в Сходню, Истру, а затем в Волоколамск. Напряжение битвы под Москвой не позволяло нигде оставаться надолго. Мы следовали за развёртывающимися военными действиями. Всё время преследовала мысль: «Надо быть там, где мы нужнее всего». Теперь уже за одни сутки поступало до 500 раненых. Санаторий им. Чехова с трудом вмещал такое количество людей. Медперсонал падал с ног от усталости. Час отдыха казался огромным счастьем. Только теперь понимаю, что находились в самом пекле. Волоколамск не забуду никогда. Налёты фашистских бомбардировщиков следовали день и ночь. Канонада - непрерывная. Город охвачен пожарами, горит вокзал, хранилища с горючим. В воздухе - клубы дыма и гари. Рядом с госпиталем - родильный дом. Одна из бомб разорвалась там. Кровь стыла от криков детей и матерей, доносившихся из-под развалин. Это дополняло общий ужас. От бессилия чем-то помочь опускались руки. В один из этих трагических дней погибли две мои подруги, землячки. Лене Кеменовой из Кривополянья оторвало ногу, и она умерла на операционном столе. Зина Скуратова получила сквозное ранение в живот и скончалась. Но самое страшное ждало нас впереди. В январе 1941 года разбомбили госпиталь. Целиком разрушили госпиталь с тяжелоранеными, вынести не удалось никого!» - Галина Ивановна вытирает слезы. Они не высохли за долгие семьдесят семь лет. Боль и скорбь всё также неизбывны.

Но это позже, а пока среди врачей Раненбургского госпиталя нередко были голодные обмороки. Это случалось не от недостатка питания. Кормить старались хорошо и пациентов, и медиков. Врачам частенько не хватало времени на то, чтобы отвлечься

от своей основной работы и поеть. Каждая минута была на счету. Пока продолжался обед, можно было помочь какому-то горемыке и спасти ему жизнь.

Умерших пациентов хоронили в братских могилах. Обычно на могилке устанавливали деревянную табличку с именем или номером. После войны устанавливались Санитарно-госпитальное захоронения. Один из которых находится на городском кладбище Чаплыгина. В могиле покоятся солдаты и офицеры, умершие от ран в эвакуационных госпиталях Раненбурга в годы Великой Отечественной войны.

На территории захоронения сооружен мемориал из красного гранита, у подножия которого горит Вечный огонь. На мемориальных досках читаются надписи: «Здесь захоронены воины Советской армии, павшие смертью храбрых в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.», списки захороненных воинов и строки из стихотворения «Реквием» Р. Рождественского:

Помните!

Через века, через года, -

Помните!

О тех, кто уже не придет

никогда, -

Помните!

Не плачьте!

В горле сдержите стоны,

горькие стоны.

Памяти павших будьте достойны!

Чудинов Владислав (7А)

Научный руководитель:

А.Ю.Клоков,

учитель краеведения

